

РАКУРС: ФУНКЦИИ И «ДИСФУНКЦИИ» ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Г.В. ГОЛОСОВ, В.С. ГРИГОРЬЕВ

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Введение

Одна из важнейших функций партий и партийной системы – интеграция общества не только в политическом, но и сугубо территориальном смысле этого слова. С этой точки зрения особый интерес политологов представляет процесс национализации партийных систем, под которой обычно понимается унификация электоральной поддержки политических партий в различных территориальных единицах государства.

Партийная система целиком национализируется, когда доли голосов, полученных каждой отдельной партией в различных территориальных единицах, одинаковы. Когда каждая из партий получает электоральную поддержку только в одном из округов, говорят о ненационализированной партийной системе.

Основоположников исследований в области национализации интересовали главным образом исторические предпосылки формирования общенационального электората в Соединенных Штатах и современные особенности этого процесса [Stokes, 1967; Cain, Ferejohn, Fiorina, 1987; Vertz, Frensdreis, Gibson, 1987]. Для ранней компаративистики характерен также акцент на возникновении общенациональных паттернов партийного соревнования [Rose, Urwin, 1975; Jones, Mainwaring, 2003; Caramani, 2004], когда национализа-

ция рассматривалась в первую очередь как один из аспектов формирования партийной системы, ее созревания и консолидации.

С тех пор интерес исследователей явно сместился в сторону изучения общественных, политических и институциональных факторов, на долгую перспективу обуславливающих низкий уровень национализации даже в зрелых партийных системах. К факторам низкой национализации относятся этническая фрагментация, федерализм, мажоритарная избирательная система [Chhibber, Kollman, 2004; Brancati, 2008; Morgenstern, Swindle, Castagnola, 2009; Harbers, 2010; Rodden, Wibbels, 2011]. Впрочем, даже в свете всех находок, сделанных в рамках этой традиции, интуитивно более привлекательным остается подход, рассматривающий консолидацию партийной системы через повышение уровня ее национализации. Этот подход более соответствует нашему теоретически насыщенному и эмпирически достоверному историческому пониманию первых демократий. И хотя зрелые партийные системы также бывают недонационализированными, о чем свидетельствует опыт Бельгии и Швейцарии, общей тенденцией является все-таки постепенная национализация партийной системы в процессе строительства демократических институтов.

С этой точки зрения российский случай представляет собой загадку. С одной стороны, судя по немногим кросснациональным исследованиям, процессы национализации партийной системы в посткоммунистических странах, межпартийное соревнование в российских одномандатных округах в ходе фазы неконсолидированной демократии (ориентировочно в 1993–2003 гг.) не характеризовались никаким значимым общенациональным паттерном [Meleshevich, 2006; Bochsler, 2010 b; Tiemann, 2012]. С другой стороны, что касается пропорциональной части избирательной системы, эти же исследования [Bochsler, 2010 b] показывают абсолютно противоположные результаты – ими отмечается достаточно высокий, даже по сравнению с устойчивыми демократиями, уровень национализации, сохраняющийся на всем протяжении малоудачных экспериментов в электоральной сфере.

В литературе эти результаты оставлены без объяснения. Они не соответствуют ни нашим представлениям о состоянии партийной политики в посткоммунистической России, ни общепринятому теоретическому постулату о национализации партийной системы как элементе демократического развития. Эти результаты нужда-

ются в эмпирическом обогащении, обсуждении и объяснении. Нам к тому же довольно-таки мало (если вообще что-то) известно о национализации российской партийной системы после стремительного перехода России к электоральному авторитаризму – особому типу политического режима, который, оставаясь по основным формам распределения и воспроизводства власти диктатурой, в то же время допускает существование институтов, обычно ассоциируемых с демократией, – таких как частично соревновательные выборы, legislatures и партии [Schedler, 2006; Gandhi, Przeworski, 2007; Magaloni, Kricheli, 2010]. Эта трансформация затронула практически все аспекты российского политического устройства [Smyth, Lowry, Wilkening, 2007; Gill, 2012; Petrov, Lipman, Hale, 2014] и имела особо тяжкие последствия для партий [Gel'man, 2006; Golosov, 2012; Robinson, 2012].

В данном исследовании отслеживается процесс национализации российской партийной системы в 1993–2011 гг., т.е. в течение всего постсоветского периода. В то же время мы предполагаем, что предложенное объяснение, хоть и относится непосредственно к России, тем не менее способно расширить понимание динамики национализации партийной системы вообще – в особенности в новых электоральных демократиях и электоральных автократиях.

В первой части статьи дается краткий обзор исследований в области национализации партийных систем – с целью дать представление о теоретических концепциях и подходах, необходимых для объяснения наблюдаемых феноменов. Во второй части обсуждается методологический инструментарий; особое внимание уделяется методике измерений. Подведение предварительных результатов позволяет поместить российский случай в более широкий сравнительный контекст. Наконец, в последней части дается систематичное объяснение особенностей процесса национализации голосования в России.

Факторы партийной национализации: Россия в сравнительной перспективе

Одной из наиболее обсуждаемых в литературе о России периода электоральной демократии (1993–2003) была тема неудачи со строительством жизнеспособной партийной системы как устой-

чивого и постоянно воспроизводящегося паттерна межпартийного соревнования. Отмечено несколько факторов, обусловивших этот провал. Учитывая отмеченную выше связь между недоразвитостью партий и низким уровнем национализации партийной системы, важно уделить особое внимание тому воздействию, которое эти факторы предположительно оказали на формирование общенационального электората.

Ряд исследователей в качестве ключевого фактора формирования партийной системы в целом и партийной национализации в частности выделяют наследие коммунистического строя (вообще или его советской разновидности), а также связанные с этим особенности постсоветского режимного транзита [Tiemann, 2012]. Коммунистический режим препятствовал становлению структур гражданского общества и организованных групп интересов [Kitschelt, Smyth, 2002]. Этим, в свою очередь, в значительной мере объясняются высокая электоральная волатильность [Rose, Munro, White, 2001], связанная с ней недоразвитость партийной идентификации и низкий уровень устойчивости идеологических воззрений российского электората [Rose, Mishler, 2010]. Теоретически такого рода социальные факторы не должны влиять на уровень национализации партийной системы напрямую, потому что даже крайне волатильные партии могут получать у национального электората достаточно равномерную поддержку. Тем не менее отсутствие партийной идентификации и приверженности определенной идеологии заставляет избирателя в момент голосования обращаться к другим ориентирам. В литературе по электоральному поведению выделяется множество таких потенциальных ориентиров [Campbell et al., 1960], но для краткости сведем их к двум: к так называемому личностному компоненту [Cain, Ferejohn, Fiorina, 1987] и к общенациональным политическим влияниям.

К личностному компоненту голосования относятся все факторы электорального поведения, связанные с личными характеристиками и ресурсами кандидата, включая репутацию, патронажные связи и материальные ресурсы. Конечно, этот компонент приобретает значение, только когда политики в принципе имеют возможность в течение сколько-нибудь продолжительного времени формировать собственную репутацию и обзаводиться прочими личными ресурсами. Представляется, что российский случай именно таков. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы, где уже самые

первые выборы после падения коммунизма были структурированы преимущественно партиями, российские «учредительные выборы» 1990–1991 гг. проводились в условиях конституционно закрепленной политической монополии Коммунистической партии [Fish, 1995]. Избирательные кампании строились в основном вокруг личных качеств отдельных кандидатов. Стремящиеся в политику деятели – а именно такие люди составили ядро российского политического класса в постсоветское время – продолжали после избрания укреплять собственную ресурсную базу, что позволило им впоследствии выходить на выборы, не опираясь на сколько-нибудь содержательную связь с политическими партиями [Golosov, 2002]. Большинство политиков по определению могут выстроить свою базу поддержки только на местном, а не на национальном уровне. В соответствии с общепринятыми теориями возникновения партий в ранних демократиях [Cox, 1987; Aldrich, 1995] это объясняет также, почему партии не смогли укорениться на обширных российских окраинах [Golosov, 2004; Hale, 2006; Smyth, 2006]. Сравнительные исследования процесса национализации партийных систем указывают и на то, что преобладание личностного компонента в голосовании смещает локус политики на местный уровень [Brancati, 2008; Simón, 2013].

К широкому зонтичному понятию общенациональных политических влияний относят разнообразные проблемы общенационального значения, обсуждая которые, партии мобилизуют электоральную поддержку. Набор таких проблем довольно широк, начиная с состояния дел в экономике и заканчивая внешней политикой [Merrill, Grofman, 1999]. Общенациональные политические влияния по определению подавляют местные факторы электорального поведения. Впрочем, наличие эффективных партийных организаций на низовом уровне смягчает эту тенденцию. Если кампания ведется преимущественно на местном уровне – силами партийных активистов и посредством подомовой агитации, – то взгляд избирателя на национальные проблемы, вероятно, во многом будет сформирован теми ориентирами, которыми его обеспечат эти активисты. Однако если у партий по большей части отсутствуют организации на низовом уровне (а именно так обстояли дела в России на протяжении всей ее новейшей политической истории), то мощнейшим фактором формирования политической повестки дня и, как следствие, электорального поведения становятся националь-

ные средства массовой информации [McCombs, 2004]. Принято полагать, что в российских избирательных кампаниях доминируют общенациональные электронные СМИ – в первую очередь телевидение [Enikolopov, Petrova, Zhuravskaya, 2011]. В этом контексте слабость территориального организационного проникновения партий следует считать фактором, положительно влияющим на степень национализации политики.

Второй фактор, часто рассматриваемый в качестве детерминанты уровня национализации партийной системы, – федерализм, или, шире, децентрализация. Одна из замечательных догадок Чиббера и Коллмана [Chhibber, Kollman, 2004] состоит в том, что влияние региональных партий зависит от степени политической автономии на субнациональном уровне. Схожие результаты отмечаются и другими авторами [Jones, Mainwaring, 2003; Thorlakson, 2007; Brancati, 2008; Harbers, 2010]. В то же время в работах других исследователей тезис о негативном влиянии федерализма на национализацию партийной системы подтверждается лишь частично (Morgenstern, Swindle, and Castagnola 2009; Lago-Peñas and Lago-Peñas 2011). По нашему мнению, эти расхождения отражают фундаментальное различие между двумя моделями федеральной институционализации: непартийной и партийной, получившей теоретическое обоснование в классическом труде Райкера [Riker, 1964], примером которой служат Соединенные Штаты. Общеизвестно, что российский федерализм – в том виде, как он функционировал в 1990-е и в начале 2000-х, – был примером непартийной модели и что особенности федеративных отношений этого периода препятствовали развитию общенациональных политических партий [Kahn, 2002; Ross, 2003].

Разумеется, федерализм непартийного типа способствует локализации партийной политики, и между федерализмом и сильным личностным компонентом голосования возникает сонаправленное взаимодействие, еще больше подрывающее национализацию партийной системы. Впрочем, огромное значение имеет организационная форма, которую принимает взаимодействие этих двух факторов. Инструментом для описания и объяснения этой модели взаимодействия между местными политическими группами и национальными политическими партиями в России является концепция региональной политической машины [Hale, 2003; Golosov, 2013]. Политические машины возникли в ходе борьбы за власть на

региональном уровне в 1990-е годы. Основная цель машин заключалась в обеспечении победы на губернаторских выборах, отчего их также часто называют губернаторскими политическими машинами. В конце 1990-х они выдвинулись на национальную политическую сцену, став одним из факторов, определяющих исход голосования на думских выборах в разных регионах [Berezkin, Myagkov, Ordeshook, 2003]. При этом губернаторские политические машины не были замкнуты на конкретную партию. Одной из удивительных особенностей российского политического развития является трансплантируемость политических машин, возможность их передачи от одного игрока к другому [Golosov, 2014]. Эта особенность заставляет сомневаться в их влиянии на степень национализации партийной системы. Когда по какой-то причине ресурсы нескольких политических машин ориентированы на поддержку нескольких сильных или даже одну-единственную национальную партию, разумно ожидать повышения единообразия кроссрегионального голосования.

Третий фактор, способный оказывать влияние на национализацию партийной системы, – это президентализм. Президентские выборы подавляют в электорате местнический настрой, апеллируя к общенациональным политическим темам [Shugart, Carey, 1992; Hicken, Stoll, 2011]. Как показал Бранкати, президентализм положительно влияет на национализацию партийной системы, но только если президентские и парламентские выборы проводятся одновременно [Brancati, 2008]. И хотя в России президентские выборы ни разу не проводились одновременно с думскими, в литературе отмечается, что начиная с 1995 г. партии строили свою предвыборную кампанию с учетом приближающейся схватки за президентский пост [Sakwa, 2000]. Если думские выборы рассматриваются как своего рода праймериз перед президентскими, то национальные политические влияния должны преобладать над местными.

Следовало бы предположить, что электоральный авторитаризм будет влиять на национализацию партийной системы. Однако единственное предположение по поводу того, каким будет это влияние, происходит из уже упоминавшейся выше теории, связывающей зрелость демократии со складыванием национального электората. Из этой теории следует, что в несовершенных демократиях партийная система должна быть недонационализированной. Эта аргументация,

впрочем, эмпирически пока не проверялась. Теоретически же можно выдвинуть весьма убедительный контраргумент: электоральные автократии, коль скоро их основными целями являются поддержание политической монополии и демонстрация отсутствия жизнеспособных политических альтернатив [Magaloni, Kricheli, 2010], везде должны хотеть и быть способными обеспечивать проправительственным партиям более высокий уровень электоральной поддержки. На системном уровне это может приводить к довольно высокому уровню территориального единообразия голосования.

Наконец, имеющиеся сравнительные исследования указывают на важную роль электоральных правил как фактора национализации голосования. Одной из догм электоральной компаративистики является тезис, согласно которому местный политический активизм более развит в избирательных системах с округами малой величины, т.е. в плюральных / мажоритарных системах [Rae 1967; Taagepera, Shugart, 1989], что имеет очевидные последствия для национализации партийной системы. Эта теория была проверена эмпирически и целиком подтвердилась [Brancati, 2008; Morgenstern, Swindle, Castagnola, 2009]. Большую часть истории своего посткоммунистического развития Россия избирала нижнюю палату парламента посредством смешанной несвязанной системы, совмещающей голосование по правилу простого большинства в 225 одномандатных округах с голосованием по пропорциональной системе в едином общенациональном округе, по итогам которого также распределялись 225 мандатов. Теоретически голосование в одной части избирательной системы должно было приводить к низким уровням национализации, в то время как другая часть потенциально могла способствовать складыванию национального электората. Как отмечено выше, имеющиеся данные подтверждают эту теорию: действительно, между паттернами партийной поддержки в пропорциональной и мажоритарной частях избирательной системы наблюдаются значимые расхождения. В связи с этим в фокусе нашего анализа в дальнейшем будет не столько непосредственное влияние избирательной системы на национализацию (на этот счет сложилось убедительное недвусмысленное мнение), сколько взаимодействие избирательных правил с другими потенциально значимыми факторами.

Методология и предварительные результаты

Долгое время главным препятствием для сравнительного изучения уровня национализации партийных систем было отсутствие надежного измерительного инструментария [Caramani, 2004]. Многие индексы, предложенные в исследованиях первой волны, не отвечали даже самым базовым требованиям. Ситуация коренным образом изменилась после публикации в 2003 г. Джонсом и Майнварингом индекса национализации партийной системы, определенной через сумму обратных коэффициентов неравенства территориальной поддержки отдельных партий (коэффициентов Джини), взвешенных в соответствии с размерами этих партий [Jones, Mainwaring, 2003]. Со временем этот показатель стал основным инструментом для измерения уровня национализации голосования в сравнительных исследованиях. С индексом национализации Джонса – Майнваринга коррелируют альтернативные измерители, так называемые «инфляционные меры» [Cox, 1997; Chhibber, Kollman, 2004; Moenius, Kasuya, 2004; Kasuya, Moenius, 2008]. Они успешно применяются при решении самых разнообразных исследовательских задач, однако бесполезны, когда требуется определить степень национализации как партийной системы в целом, так и отдельных входящих в нее партий. «Инфляционные меры» измеряют системный уровень и неразложимы на меньшие составляющие уровни. Поскольку мы планируем выйти на уровень отдельных партий, нам придется обойтись без них.

В более поздней литературе выдвигались предложения улучшить метод измерения уровня национализации партийной системы, дополнив индексы информацией об относительном размере избирательных округов, избирательной системе, размере округов и пр. [Bochsler, 2010 a; Morgenstern, Polga-Hecimovich, Siavelis, 2014]. По нашему мнению, попытки втиснуть всю потенциально важную информацию в единый численный показатель не слишком плодотворны, поскольку осложняют эмпирическое исследование, колоссально повышая требования к данным. К тому же построение любого индекса требует выделить наиболее значимые характеристики за счет вторичных. Вообще же, один из главных недостатков индекса партийной национализации Джонса – Майнваринга заключается в том, что он очень сложно рассчитывается даже в первоначальном виде. Индекс строится на коэффициенте Джини и

наследует его вычислительную основу, предполагающую ранжирование всех компонентов от наибольшего к наименьшему. Такое ранжирование, кроме всего прочего, должно быть сделано для каждой отдельной партии.

Для решения этой проблемы мы разработали альтернативный измеритель – индекс национализации партийной системы. Концептуально он похож на измеритель Джонса – Майнваринга, но не требует перекомпоновки данных и потому значительно легче рассчитывается. Алгебраическое построение индекса, основывающееся на широко известном индексе концентрации Херфиндаля – Хиршмана и, следовательно, на стандартном отклонении [Feld, Grofman, 2007; Golosov, 2010], имеет надежный теоретический фундамент и детально объясняется в другой нашей статье [Golosov, 2014]. Проверка на большой кросснациональной базе данных показала, что коэффициент корреляции Пирсона этого нового индекса с индексом Джонса – Майнваринга равен 0,997. Индекс рассчитывается по следующей формуле:

$$IPSN = \sum_1^n \left(\left(1 - \frac{n - ((\sum_1^n s_i)^2 / \sum_1^n s_i^2)}{n - 1} \right) p_i \right),$$

где n – это количество избирательных округов или других территориальных единиц; s_i – процент голосов, или доля мест, полученных i -й партией в каждой территориальной единице; а p_i – доля голосов, или мест, полученных i -й партией по стране в целом. Как видно из формулы, это композитный индекс, составленный из индексов национализации голосования за отдельные партии. Это позволяет применять его в исследованиях как системного, так и индивидуального уровня.

Основным источником данных для исследования послужили результаты выборов в Госдуму в период с 1993 по 2011 г., опубликованные в официальных отчетах Центральной избирательной комиссии России. В анализ включены данные выборов 1993, 1995, 1999, 2003, 2007 и 2011 гг. Уровень индивидуальной национализации рассчитывался для каждой из партий вне зависимости от уровня электоральной поддержки. На выборах 1993 г. в мажоритарной и пропорциональной частях избирательной системы представлено по 13 партий. На выборах 1995–2003 гг. число партий, участвовавших в выборах по мажоритарной и пропорциональной

системам, составляло соответственно 64 и 43 в 1995 г., 27 и 26 – в 1999 г., 29 и 23 – в 2003 г. Выборы 2007 и 2011 гг. проводились по пропорциональной системе; в них участвовало 11 и семь партий, соответственно. Естественно, что независимым кандидатам, баллотирующимся по мажоритарной системе, были присвоены нулевые значения уровня национализации.

Основная трудность при решении поставленной задачи заключается в том, что данные по мажоритарной и пропорциональной системам агрегируются в официальных отчетах Центральной избирательной комиссии по-разному. Данные выборов по мажоритарной системе собираются по избирательным округам, а по пропорциональной – по регионам. Поскольку для целей исследования крайне важна сравнимость результатов, решено было агрегировать данные обеих частей избирательной системы на уровне регионов. Это потребовало пересчитать результаты голосования в округах через совокупную процентную долю голосов, полученных кандидатами каждой из партий в каждом из регионов. Ради сочетаемости данных число наблюдений по регионам в разных частях избирательной системы было выровнено. Не учитывались, к примеру, результаты, полученные в 1993 г. в Татарстане по партийным спискам, поскольку выборов по мажоритарной системе в соответствующих округах не проводилось. Этим, а также сокращением числа субъектов Федерации в 2000-е годы объясняется колебание числа региональных наблюдений в диапазоне от 83 до 89. Математическая конструкция индекса национализации партийной системы такова, что влияние отклонений подобного рода на его значения пренебрежимо мало.

Партийная принадлежность кандидата устанавливалась только по критерию его официального выдвижения партией. Этот же подход применяется к данным выборов 1993 г., несмотря на то что во многих ранних исследованиях вследствие недоступности соответствующей информации партийная принадлежность нередко определялась по заявлениям самих кандидатов. Данные 1993–2003 гг. и последующих выборов, проводившихся только по партийным спискам, агрегировались без учета голосов «против всех» и недействительных бюллетеней. Этим объясняется расхождение ряда показателей, представленных в следующей части, с официальными результатами ЦИК (2003–2013). Все вычисления в настоящем ис-

следовании производились на основе долей действительных бюллетеней, поданных за партию или кандидата.

В таблице 1 представлены показатели уровня национализации партийной системы для всех выборов – с отдельными показателями для каждой из частей избирательной системы. Чтобы поместить российский случай в более широкий сравнительный контекст, приведены также показатели индекса для 12 других стран. При отборе этих стран мы стремились к тому, чтобы в выборке были представлены различные типы общественного и политического / институционального устройства. Из таблицы 1 видно, что при голосовании по пропорциональной системе наблюдался высокий уровень национализированного межпартийного соревнования, сравнимый как с устойчивыми, так и с новыми демократиями. Степень национализации российской партийной системы была довольно высока уже в 1993 г. Она немного снизилась в 1995-м, но затем вернулась к прежнему уровню и в 2003–2007 гг. только нарастала, достигнув в итоге очень высокого уровня по международным стандартам. Небольшой спад наблюдался в 2011 г., однако он не отменил факта существования в России одной из самых национализированных в мире партийных систем. Переход к электоральному авторитаризму, таким образом, не повлиял на тенденцию к повышению степени национализации партийной системы. Более того, в абсолютных числах наибольший рост уровня национализации партийной системы произошел в 2007 г. – на наименее конкурентных из всех думских выборов, проходивших когда-либо в России.

Таблица 1

**Уровень национализации партийной системы:
Россия в сравнительной перспективе**

Страна	Год выборов	Избирательная система	Индекс национализации партийной системы
1	2	3	4
Чехия	2006	пропорциональная	0,96
Россия	2007	пропорциональная	0,92
Россия	2011	пропорциональная	0,87
Россия	2003	пропорциональная	0,86
Мексика	2006	пропорциональная	0,85

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Италия	2008	пропорциональная	0,84
Россия	1993	пропорциональная	0,80
Россия	1999	пропорциональная	0,80
Австралия	2007	альтернативное голосование	0,80
США	2006	плюральная	0,79
Россия	1995	пропорциональная	0,75
Великобритания	1997	плюральная	0,75
Канада	2008	плюральная	0,71
Бразилия	2006	пропорциональная	0,67
Нигерия	2003	плюральная	0,63
Швейцария	2011	пропорциональная	0,60
Бельгия	2010	пропорциональная	0,44
Индия	2004	плюральная	0,33
Россия	2003	плюральная	0,29
Россия	1995	плюральная	0,20
Россия	1999	плюральная	0,17
Россия	1993	плюральная	0,09

Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014]. Электоральная статистика по семи странам взята из Архива результатов голосования по округам (<http://www.electiondataarchive.org>; [Kollman et al. 2013], а по оставшимся странам – из следующих первичных источников: Австралия – Electoral Commission, <http://results.aec.gov.au>; Бельгия – Direction Générale Institutions et Population, <http://polling2010.belgium.be>; Италия – Ministero dell’Interno, <http://elezionistorico.interno.it>; Мексика – Instituto Federal Electoral, <http://www.ife.org.mx>; Швейцария – Bundesverwaltung Statistik Schweiz, <http://www.bfs.admin.ch>. Доступ ко всем интернет-источникам – с сентября 2013 г. по февраль 2014 г.

Анализ паттернов партийного соревнования по мажоритарной системе в 1993–2003 гг. обнаруживает совершенно другую картину. Как видно из табл. 1, уровень национализации партийной системы в мажоритарной части оставался чрезвычайно низким. Здесь показатели национализации существенно ниже показателей других стран, вне зависимости от типа избирательной системы и других потенциально важных факторов. Мажоритарные выборы 1993 г. не имели практически никакого общенационального паттерна межпартийного соревнования. К 1995 г. наметился крайне медленный прогресс в сторону повышения уровня национализации, но в 1999 г. произошел откат. Выборы 2003 г. вновь констатировали повышение уровня национализации партийной системы, но даже теперь Россия отставала от стран с индексом ниже 0,5 – Индии с ее многочисленными региональными

партиями и Бельгии, где лишь немногие партии способны преодолеть границы лингвистических сообществ. Таким образом, предварительный анализ всецело подтвердил наличие разительного расхождения между степенью национализации в мажоритарной и пропорциональной частях российской избирательной системы. Чтобы объяснить это расхождение, необходимо спуститься с системного уровня анализа на индивидуальный.

Результаты и анализ

В данной части приведен детальный анализ процесса национализации голосования в России на уровне отдельных партий. В табл. 2–6 представлены показатели индекса национализации для каждой из партий, получивших не менее 2% голосов хотя бы по одной из частей избирательной системы в 1993–2003 г. и по партийным спискам в 2007–2011 гг. Индекс национализации голосования за отдельную партию является основным структурным компонентом индекса национализации партийной системы, описанного в предыдущей части. Этим обеспечивается совместимость результатов. Математически индекс задан следующей формулой:

$$IPN = 1 - \frac{n - ((\sum_1^n s_i)^2 / \sum_1^n s_i^2)}{n - 1}.$$

В табл. 2–6 также отражены доли голосов, полученных каждой партией по стране в целом. Данные голосований по округам за 1993 г. никогда таким образом не агрегировались, так что уже сама их публикация углубляет наши познания о ранней электоральной политике в посткоммунистической России.

Если показатели индекса национализации по пропорциональной системе относительно просты и не нуждаются в пояснении, то с показателями по мажоритарным округам дело обстоит сложнее. Низкие уровни национализации голосования за партию по мажоритарной системе могут быть вызваны двумя разными причинами: с одной стороны, большими расхождениями в голосовании за партию в разных регионах, с другой стороны, неспособностью партии выдвигать во многих регионах своих кандидатов. Чтобы отличить одно от другого, индекс национализации голосования за партию в ма-

жоритарных округах был дополнен двумя показателями. Первый из них – тот же индекс, но рассчитанный исключительно для регионов, где партия действительно участвовала в выборах по округам. Технически это значит, что n в приводимой выше формуле определяется не как общее число регионов, а как число регионов, в которых партия выдвигала кандидатов. Мы будем называть этот измеритель «скорректированным индексом национализации голосования». Помимо этого ради простоты восприятия приводим данные о числе округов, в которых каждая из партий выдвигала кандидатов. Учитывая, что общее число округов менялось незначительно, этого абсолютно достаточно для передачи всей необходимой информации.

Таблица 2

Уровень партийной национализации на думских выборах 1993 г.

Партия	Выборы по спискам		Выборы в одномандатных округах		
	доля голосов, %	национализация партии	доля голосов, %	национализация партии	скорректированная национализация партии
ЛДПР	24,4	0,92	3,5	0,15	0,42
Выбор России	14,4	0,87	8,1	0,32	0,58
КПРФ	13,2	0,74	4,2	0,20	0,56
Женщины России	8,7	0,91	0,7	0,02	0,41
АПР	8,5	0,70	6,5	0,23	0,64
«Яблоко»	8,3	0,80	4,2	0,21	0,48
ПРЕС	7,2	0,64	3,2	0,27	0,58
Демократическая партия России	5,9	0,46	2,4	0,18	0,60
РДДР	4,3	0,82	2,5	0,19	0,66
Гражданский союз	2,0	0,79	3,5	0,27	0,56
Другие (3 по партийным спискам / 3 в одномандатных округах)	2,9	0,89*	2,6	0,09*	0,53*
Независимые	N/A	N/A	58,6	0,00*	0,00*

* Средние показатели

Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014].

Таблица 3

**Уровень партийной национализации
на думских выборах 1995 г.**

Партия	Выборы по спискам		Выборы в одномандатных округах		
	доля голосов, %	национализация партии	доля голосов, %	национализация партии	скорректированная национализация партии
КПРФ	23,4	0,84	14,2	0,52	0,74
ЛДПР	11,7	0,86	6,2	0,63	0,77
НДР	10,6	0,66	6,2	0,37	0,58
«Яблоко»	7,2	0,71	3,6	0,25	0,62
Женщины России	4,8	0,85	1,2	0,11	0,52
КТР	4,8	0,87	2,0	0,23	0,58
Конгресс русских общин	4,5	0,77	3,3	0,28	0,51
Партия самоуправления трудящихся	4,2	0,77	0,8	0,05	0,23
Демократический выбор России	4,1	0,65	3,0	0,23	0,50
АПР	4,0	0,47	6,8	0,29	0,47
Держава	2,7	0,37	0,7	0,06	0,27
Вперед, Россия!	2,0	0,83	2,3	0,14	0,36
Другие (31 по партийным спискам / 52 в одномандатных округах)	16	0,66*	14,2	0,04*	0,41*
Независимые	N/A	N/A	35,4	0,00*	0,00*

* Средние показатели
Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014].

**Уровень партийной национализации
на думских выборах 1999 г.**

Партия	Выборы по спискам		Выборы в одномандатных округах		
	доля голосов, %	национализация партии	доля голосов, %	национализация партии	скорректированная национализация партии
КПРФ	25,6	0,89	15,6	0,50	0,73
Единство	24,6	0,90	2,5	0,10	0,40
ОВР	14,1	0,45	9,8	0,27	0,54
СПС	9,0	0,81	3,5	0,27	0,69
ЛДПР	6,3	0,89	1,5	0,37	0,64
«Яблоко»	6,3	0,80	5,8	0,45	0,64
КТР	2,3	0,84	0,5	0,10	0,69
Женщины России	2,2	0,85	0,6	0,05	0,45
Партия пенсионеров	2,1	0,78	0,8	0,12	0,65
НДР	1,3	0,38	3,1	0,19	0,32
Другие (16 по партийным спискам / 17 в одномандатных округах)	6,3	0,75*	7,5	0,07*	0,38*
Независимые	N/A	N/A	48,8	0,00*	0,00*

* Средние показатели

Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014].

Таблица 5

**Уровень партийной национализации
на думских выборах 2003 г.**

Партия	Выборы по спискам		Выборы в одномандатных округах		
	доля голосов, %	национализация партии	доля голосов, %	национализация партии	скорректированная национализация партии
Единая Россия	40,1	0,93	27,6	0,56	0,75
КПРФ	13,5	0,89	12,8	0,56	0,68
ЛДПР	12,2	0,89	3,6	0,51	0,65
Родина	9,6	0,83	3,4	0,14	0,36
«Яблоко»	4,6	0,81	3,0	0,29	0,54
СПС	4,2	0,75	3,4	0,22	0,39
АПР	3,9	0,54	2,2	0,15	0,33
Партия российских пенсионеров и Партия социальной справедливости	3,3	0,81	0,7	0,11	0,48
Партия возрождения России и Российская партия жизни	2,0	0,83	3,1	0,22	0,35
НПРФ	1,3	0,78	5,2	0,12	0,34
Другие (13 по партийным спискам / 19 в одномандатных округах)	5,3	0,71	4,0	0,04	0,36
Независимые	N/A	N/A	31,0	0,00*	0,00*

* Средние показатели

Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014].

**Уровень партийной национализации на думских выборах
2007–2011 гг.**

Партия	2007 г.		2011 г.	
	Доля голосов, %	Национализация партии	Доля голосов, %	Национализация партии
Единая Россия	65,0	0,97	50,0	0,90
КПРФ	11,7	0,88	19,5	0,90
ЛДПР	8,2	0,86	11,9	0,84
Справедливая Россия	7,8	0,83	13,5	0,82
АПР	2,3	0,73	N/A	N/A
«Яблоко»	1,6	0,66	3,5	0,71
Другие (5 в 2007 / 2 в 2011)	3,3	0,75*	1,6	0,81*

* Средние показатели

Источник: [ЦИК (2003–2011), 2014].

В табл. 2 отражены данные по выборам 1993 г. Как следует из таблицы, при голосовании по пропорциональной системе почти все партии демонстрировали высоконационализированные паттерны электоральной поддержки. Особенно высокими показатели национализации были у тех партий, которые на момент выборов почти не располагали местными политическими ресурсами: у Либерально-демократической партии России (ЛДПР) и у «Женщин России». Голосование за эти партии обуславливалось почти исключительно национальными политическими влияниями, распространяемыми на электорат посредством эффективной телевизионной предвыборной кампании (ЛДПР) либо простыми указателями на идентичность («Женщины России»). Ведущая продемократическая и прорыночная партия того времени, «Выбор России», демонстрировала очень похожий паттерн национализации, что говорит о способности этого формирования, первоначально считавшегося «партией власти», конвертировать статус проправительственной партии и связи с государственным аппаратом в заметное электоральное пре-

имущество на местах. Ясно выраженный паттерн электоральной поддержки наблюдается только в случае с альтернативной проправительственной Партией российского единства и согласия (ПРЕС). Относительно низкий показатель уровня национализации голосования за ПРЕС объясняется близкими связями руководства партии с некоторыми из региональных боссов, особенно в национальных республиках. Определенную регионализацию голосования можно отметить и у партий, унаследовавших значимые организационные ресурсы: у Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), «позаимствовавшей» сеть местных партячеек у Коммунистической партии Советского Союза, и у Аграрной партии России (АПР), черпавшей свои ресурсы из колхозной системы, все еще функционировавшей в 1993 г.

Из таблицы 2 следует также, что главной причиной необычайно низкого уровня национализации в мажоритарной части избирательной системы в 1993 г. была явная неспособность партий привлечь в свои ряды сколько-нибудь заметное число кандидатов-одномандатников. Многие будущие политики предпочитали оставаться беспартийными. Даже «Выбор России» сумел выставить кандидатов лишь в половине округов. Впрочем, показатели скорректированного индекса национализации показывают крайнюю неоднородность поддержки и в тех округах, где кандидаты были выдвинуты. Заметно, что особенно низкий уровень национализации демонстрирует ЛДПР, кандидаты которой участвовали в выборах в относительно большом числе округов. Ее кандидаты были собраны под знамена ЛДПР лишь накануне выборов, являли собой исключительно разнородную группу и были крайне неравномерно наделены средствами на ведение кампании. Из таблицы 2 видно, что КПРФ участвовала в выборах даже в меньшем количестве округов, чем ЛДПР, и ее кандидаты также пользовались довольно разнородной электоральной поддержкой. Во многом это объяснялось тем, что в то время КПРФ являлась главной мишенью нападок проправительственных СМИ. Ее кандидаты столкнулись с реальной угрозой отстранения от участия в выборах, поэтому придерживались очень осторожной стратегии, что, вероятно, сказалось на кампании партии в отдельных районах.

В 1995 г. уровень партийной национализации на выборах по пропорциональной системе несколько снизился. Как следует из таблицы 3, отчасти это было вызвано ростом малых партий. В отличие

от предыдущей думской кампании, в 1995 г. эти партии не только получили довольно большой совокупный процент голосов, но также пользовались неравномерной региональной поддержкой. Хотя такое положение дел вполне соответствует положению дел во многих других странах, этот феномен свидетельствует также о выходе на сцену региональных политических машин. Действительно, некоторые из участвовавших в выборах малых партий – например, «Преображение Отечества» – были чисто региональными формированиями, всецело подконтрольными местным политическим руководителям. В то же время сохранение национального влияния в пропорциональной части избирательной системы проявилось в повысившемся уровне национализации голосования за ведущую партию – КПРФ. Подтверждением важности идеологической притягательности и обращения к идентичности стало высоконационализированное голосование за «Женщин России» и избирательный блок «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз» (КТР). В то же время голосование за новую проправительственную партию – «Наш Дом – Россия» (НДР) – было лишь умеренно национализированным. Этот показывает, что НДР начала поглощать в ряде субъектов РФ, в основном в этнических республиках, региональные политические машины. Степень национализации голосования за «аграриев» значительно снизилась, и АПР переместилась в естественную для себя нишу партии с отраслевой поддержкой.

Из 64 партий, участвовавших в 1995 г. в выборах по мажоритарной системе, лишь КПРФ и ЛДПР сумели выставить своих кандидатов хотя бы в половине из 225 округов. Эти партии также продемонстрировали более высокое единообразие территориальной поддержки, из чего следует, что, в отличие от 1993 г., успехи сильнейших в национальном масштабе партий по пропорциональной и мажоритарной системам были уже тесно связаны друг с другом. В силу ряда особенностей, присущих плюральным избирательным системам, это сыграло на руку КПРФ, позволив ее кандидатам победить в 25,8% одномандатных округов при 14,2% полученных голосах, зато оказалось пагубным для ЛДПР, конвертировавшей 6,2% голосов всего лишь в одно депутатское место. Национализация голосования за «Яблоко» заметно выросла, оставшись, впрочем, относительно низкой. Остальные партии проявили примерно такую же способность выставлять кандидатов в округах и то же единообразие электоральной поддержки, что и в 1993 г. Это и не-

удивительно, учитывая, что, как и в 1993 г., большинство из них либо были созданы с чистого листа буквально накануне избирательной кампании, либо, как «Демократический выбор России», претерпели к 1995 г. фундаментальные изменения.

В 1999 г. вырос уровень партийной национализации при голосовании по пропорциональной системе. Как следует из табл. 4, это случилось прежде всего потому, что большинство старых партий, включая КПРФ, либо стали более национализированными, либо сохранили прежний уровень национализации, а среди успешных новых партий он изначально был довольно высоким. Это относится к Союзу правых сил (СПС) и особенно к новой проправительственной партии – «Единству». Кампания 1999 г. была настолько сконцентрирована на общенациональных проблемах (грядущие президентские выборы и пр.), а общенациональные электронные СМИ настолько доминировали в информационном пространстве, что преобладание национальных воздействий на голосование было неизбежным. Эта тенденция к росту национализации, какой бы сильной она ни была, отчасти уравнивалась участием в выборах блока «Отечество – Вся Россия» (ОВР), обязанного своим успехом в основном связям с влиятельными региональными боссами (в основном в республиках), имели в своем распоряжении функциональные, не дающие сбоев политические машины. Прежняя «партия власти», НДР, тоже сохранила кое-где региональную поддержку.

Рост национализации в списочной части сопровождался в 1999 г. снижением национализации в мажоритарных округах. Как следует из наших данных, отчасти это произошло из-за того, что лишь две партии, КПРФ и «Яблоко», сумели выдвинуть кандидатов хотя бы в половине округов. Число кандидатов от других партий было небольшим, особенно это заметно в случае с «Единством», при голосовании по пропорциональной системе занявшим второе место. Впрочем, даже старые партии (ЛДПР, «Женщины России», КТР) массово отстранились от участия в выборах по одномандатным округам, хотя в тех округах, где их кандидаты были представлены, их поддержка осталась равномерной. Чтобы понять природу этого феномена, следует учесть, что к 1999 г. губернаторские политические машины находились в зените своей мощи. На выборах по пропорциональной системе с их помощью собирались голоса для различных партий: для ОВР, «Единства» и КПРФ. Однако в одномандатных округах губернаторы не были готовы ни

подчинить своих кандидатов партийной дисциплине (что объясняет рост голосования за независимых кандидатов), ни подвергнуть их риску соперничества с кандидатами от сильных партий. Таких сильных посторонних кандидатов либо силой выдавливали с электорального поля, либо они уходили добровольно – их отзывали лидеры общенациональных партий в обмен на большую долю голосов в списочной части. В этом отношении выборы 1999 г. явились переломным моментом, ознаменовавшим переход от прежней тенденции к росту партийной национализации, сопровождавшейся и усиливаемой постепенным организационным укреплением партий. В 1999 г. эта тенденция натолкнулась на сильную противодействующую тенденцию, порожденную встраиванием губернаторских политических машин в национальный политический порядок.

На выборах 2003 г. рост уровня национализации при голосовании по пропорциональной системе был усилен возникновением новой «партии власти», «Единой России», национализация голосования которой была беспрецедентной. Абсолютное доминирование общенациональных влияний подтверждается тем фактом, что почти все другие партии, включая самые маленькие, также продемонстрировали весьма однородные паттерны поддержки. Единственным исключением стала АПР, сохранившая свой отчетливый сельский профиль. Табл. 5 показывает, что определенный прогресс в национализации голосования наблюдался и в мажоритарной части. Эта тенденция, однако, была вызвана почти исключительно тем, что кандидаты от «Единой России» получали относительно равномерную поддержку во всех регионах (выдвигались они, впрочем, лишь в 60% округов). Как и прежде, опорой партии при голосовании по пропорциональной системе были губернаторские политические машины, а следовательно, во многих регионах ей пришлось в обмен на лояльность губернаторов соглашаться с тем, что в мажоритарных округах они будут поддерживать беспартийных кандидатов или кандидатов от других партий, включая созданную накануне Народную партию (НПРФ) – единственное в новейшей истории России политическое образование, сумевшее получить по мажоритарной системе значительно больше мест, чем по спискам.

Это явное противоречие было разрешено отменой голосования в мажоритарных округах, сопровождавшейся политической централизацией и переходом к электоральному авторитаризму. Как видно по таблице 6, уровень национализации у всех партий, высту-

пивших сколько-нибудь успешно в 2007 и 2011 гг., был за пределами высоким. «Яблоко», ставшее малой внепарламентской партией, сохранило региональные базы поддержки в больших городах – в основном в Москве и Петербурге. Внятный профиль до своего поглощения «Единой Россией» сохраняла и АПР. Другие малые партии пользовались примерно равной поддержкой во всех регионах. Занятно, что в 2011 г. снизились не только электоральная поддержка «Единой России», но и равномерность этой поддержки, а следовательно, кто-то из губернаторов не выполнил своего обещания обеспечить «Единой России» более высокие показатели. Этот результат согласуется с имеющимся у нас знанием о выборах 2011 г. [Gill, 2012; Golosov, 2012].

Заключение

Все факторы, обозначенные в теоретическом обзоре как потенциально значимые, сыграли свою роль при определении динамики национализации партийной системы в России. Особенности перехода к демократии, характеризовавшегося непартийным характером учредительных выборов, обусловили организационную неразвитость партий и доминирование личностного компонента при голосовании в ходе всей посткоммунистической истории России. В той степени, в которой избирательные правила позволяли проведение кандидато-центричных кампаний (т.е. при выборах по мажоритарной системе), в голосовании преобладали местные влияния. Их доминирование усилилось с возникновением губернаторских политических машин, которые не были завязаны ни на одну из партий и могли легко передаваться от одной партии к другой. Как следствие, тенденция к национализации голосования в округах, слабая, но заметная в 1995 г., к концу десятилетия повернулась вспять. Даже монополистичная проправительственная «Единая Россия» не хотела и не могла сопротивляться денационализации голосования в округах, что в конечном счете привело к полному отказу от мажоритарной части.

В то же время на выборах по пропорциональной системе преобладали общенациональные воздействия. Уже в 1993 г. электоральное поле в условиях неразвитости партий характеризовалось доминированием СМИ, не оставлявшим пространства для артику-

ляции проблем местного уровня. Позднее, особенно начиная с 1999 г., национализации голосования способствовала и временная близость думских и президентских кампаний. Теоретически достаточно высокий уровень децентрализации, наблюдавшийся в конце 1990-х – начале 2000-х годов, мог стать существенным препятствием на пути национализации партийной системы. Однако на деле оказалось, что ущербный российский федерализм, губительно влиявший на локализацию партийной политики и развитие местных баз поддержки, в то же время обеспечил национальные партии помощью губернаторских политических машин. Переход России к электоральному авторитаризму предполагал встраивание субнациональных режимов в новый национальный политический порядок – с целью обеспечить взаимную связку национальных и региональных элит [Reuter, Remington, 2009; Golosov, 2011 a]. Как следствие, губернаторские политические машины стали играть центральную роль в обеспечении голосования за монополярную проправительственную партию на федеральных и региональных выборах [Golosov, 2011 b; Panov, Ross, 2013; Reuter, 2013].

Учитывая, что в 2007 и 2011 гг. думские выборы проводились исключительно по пропорциональной системе и что по международным стандартам уровень партийной национализации на этих выборах был очень высоким, российский пример убедительно опровергает устоявшуюся теорию, отождествляющую уровень национализации партийной системы с уровнем ее развития. Разумеется, можно возложить всю ответственность за наблюдаемую в России идеосинкразическую динамику на авторитаризм и вызванное им извращение структуры долгосрочных политических стимулов. Однако предложенный выше анализ не подтверждает этот тезис. Высокая степень национализации партийной системы наблюдалась уже в 1993–2003 гг., и анализ показывает, что эта тенденция была скорее закреплена, чем порождена электоральным авторитаризмом. Более того, становится ясно, что растущая денационализация голосования в мажоритарных округах и стремительная национализация голосования по спискам были обусловлены одними и теми же факторами. Центральные среди них – развитие губернаторских политических машин и возможность их передачи от партии к партии. Эти результаты проливают дополнительный свет на проблемы национализации партийной системы в новых демократиях. Российский опыт показывает, что национализация голосования – отнюдь

не признак консолидации партийной системы и при определенных условиях указывает лишь на организационную неразвитость партий. Это означает, что устойчиво высокий уровень национализации партий совместим с серьезными изъянами в демократической институционализации и, как следствие, с повышенным риском провала процесса демократизации.

Список литературы

- ЦИК. 2003–2013. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: Выборы и референдумы. – Режим доступа: <http://www.izbirkom.ru> (Дата посещения: 07.02.2014.)
- Aldrich J.H.* Why parties? The origin and transformation of party politics in America. – Chicago, IL: Univ. of Chicago press, 1995. – 349 p.
- Berezkin A., Myagkov M., Ordeshook P.C.* Location and political influence: A further elaboration of their effects on voting in recent Russian elections // Eurasian geography and economics. – L., 2003. – Vol. 44, N 3. – P. 169–183.
- Bochsler D.* Measuring party nationalisation: A new Gini-based indicator that corrects for the number of units // Electoral studies. – Oxford, 2010 a. – Vol. 29, N 1. – P. 155–168.
- Bochsler D.* The nationalisation of post-communist party systems // Europe-Asia studies. – L., 2010 b. – Vol. 62, N 5. – P. 807–827.
- Brancati D.* The origins and strengths of regional parties // British journal of political science. – Cambridge, 2008. – Vol. 38, N 1. – P. 135–159.
- Cain B.E., Ferejohn J.A., Fiorina M.P.* The personal vote: Constituency service and electoral independence. – Cambridge: Harvard univ. press, 1987. – 279 p.
- The american voter / A. Campbell et al. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1960. – 573 p.
- Caramani D.* The nationalization of politics: The formation of national electorates and party systems in Western Europe. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2004. – 368 p.
- Chhibber P., Kollman K.* The formation of national party systems: Federalism and party competition in Canada, Great Britain, India, and the United States. – Princeton: Princeton univ. press, 2004. – 272 p.
- Cox G.W.* The efficient secret: The cabinet and the development of political parties in Victorian England. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1987. – 204 p.
- Cox G.W.* Making votes count: strategic coordination in the world's electoral systems. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1997. – 360 p.
- Enikolopov R., Petrova M., Zhuravskaya E.* Media and political persuasion: Evidence from Russia // The American economic review. – Pittsburgh, 2011. – Vol. 101, N 7. – P. 3253–3285.
- Feld S.L., Grofman B.* The Laakso-Taagepera index in a mean and variance framework // Journal of theoretical politics. – L., 2007. – Vol. 19, N 1. – P. 101–106.

- Fish M.S.* The advent of multipartism in Russia, 1993–1995 // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 1995. – Vol. 11, N 4. – P. 340–383.
- Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian institutions and the survival of autocrats // Comparative political studies. – L., 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301.
- Gel'man V.* From «feckless pluralism» to «dominant power politics»? The transformation of Russia's party system // Democratization. – Routledge, 2006. – Vol. 13, N 4. – P. 545–561.
- Gill G.* The decline of a dominant party and the destabilization of electoral authoritarianism? // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2012. – Vol. 28, N 4. – P. 449–471.
- Golosov G.V.* Party support or personal resources? Factors of success in the plurality portion of the 1999 national legislative elections in Russia // Communist and Post-Communist studies. – Elsevier, 2002. – Vol. 35, N 1. – P. 23–38.
- Golosov G.V.* Political parties in the regions of Russia: Democracy unclaimed. – Boulder, CO: Lynne Rienner publishers, 2004. – 307 p.
- Golosov G.V.* The effective number of parties a new approach // Party politics. – L., 2010. – Vol. 16, N 2. – P. 171–192.
- Golosov G.V.* The regional roots of electoral authoritarianism in Russia // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2011 a. – Vol. 63, N 4. – P. 623–639.
- Golosov G.V.* Russia's regional legislative elections, 2003–2007: Authoritarianism incorporated // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2011 b. – Vol. 63, N 3. – P. 397–414.
- Golosov G.V.* The 2012 political reform in Russia: The interplay of liberalizing concessions and authoritarian corrections // Problems of Post-Communism. – N.Y., 2012. – Vol. 59, N 6. – P. 3–14.
- Golosov G.V.* Machine politics: The concept and its implications for Post-Soviet studies // Demokratizatsiya. – Washington, DC, 2013. – Vol. 21, N 4. – P. 459–480.
- Golosov G.V.* The territorial genealogies of Russia's political parties and the transferability of political machines // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2014. – Vol. 30, N 6. – P. 464–480.
- Golosov G.V.* Party system nationalization: The problems of measurement with an application to federal states // Party politics. – L., S.a. – В печати.
- Hale H.E.* Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2003. – Vol. 19, N 3. – P. 228–263.
- Hale H.E.* Why not parties in Russia?: democracy, federalism, and the state. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2005. – 288 p.
- Harbers I.* Decentralization and the development of nationalized party systems in new democracies: Evidence from Latin America // Comparative political studies. – L., 2010. – Vol. 43, N 5. – P. 606–627.
- Hicken A., Stoll H.* Presidents and parties: How presidential elections shape coordination in legislative elections // Comparative political studies. – L., 2011. – Vol. 44, N 7. – P. 854–883.
- Jones M.P., Mainwaring S.* The nationalization of parties and party systems. An empirical measure and an application to the Americas // Party politics. – L., 2003. – Vol. 9, N 2. – P. 139–166.
- Kahn J.* Federalism, democratization, and the rule of law in Russia. – N.Y.: Oxford univ. press, 2002. – 338 p.

- Kasuya Y., Moenius J.* The nationalization of party systems: Conceptual issues and alternative district-focused measures // *Electoral studies*. – Oxford, 2008. – Vol. 27, N 1. – P. 126–135.
- Kitschelt H., Smyth R.* Programmatic party cohesion in emerging Postcommunist democracies Russia in comparative context // *Comparative political studies*. – L., 2002. – Vol. 35, N 10. – P. 1228–1256.
- Kollman K.* et al. Constituency-level elections archive / Ann Arbor. – Michigan: Center for political studies: Univ. of Michigan. – Mode of access: <http://www.election-dataarchive.org>. (Дата посещения: 01.05.2011.)
- Lago-Peñas I., Lago-Peñas S.* Decentralization and the nationalization of party systems // *Environment and planning C: Government and policy*. – Pion, 2011. – Vol. 29. – P. 244–263.
- Magaloni B., Kricheli R.* Political order and one-party rule // *Annual review of political science*. – Palo Alto, 2010. – Vol. 13. – P. 123–143.
- McCombs M.* Setting the agenda: The mass media and public opinion. – Cambridge: Polity press, 2004. – 208 p.
- Meleshevich A.* Geographical patterns of party support in the Baltic States, Russia, and Ukraine // *European urban and regional studies*. – L., 2006. – Vol. 13, N 2. – P. 113–129.
- Merrill S., Grofman B.* A unified theory of voting: Directional and proximity spatial models. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1999. – 230 p.
- Moenius J., Kasuya Y.* Measuring party linkage across districts some party system inflation indices and their properties // *Party politics*. – L., 2004. – Vol. 10, N 5. – P. 543–564.
- Morgenstern S., Polga-Hecimovich J., Siavelis P.M.* Seven imperatives for improving the measurement of party nationalization with Evidence from Chile // *Electoral studies*. – Oxford, 2014. – Vol. 33. – P. 186–199.
- Morgenstern S., Swindle S.M., Castagnola A.* Party nationalization and institutions // *The journal of politics*. – Cambridge, 2009. – Vol. 71, N 4. – P. 1322–1341.
- Panov P., Ross C.* Sub-national elections in Russia: Variations in United Russia's domination of regional assemblies // *Europe-Asia studies*. – L., 2013. – Vol. 65, N 4. – P. 737–752.
- Petrov N., Lipman M., Hale H.E.* Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2014. – Vol. 30, N 1. – P. 1–26.
- Rae D.W.* The political consequences of electoral laws. – New Haven: Yale univ. press, 1967. – 173 p.
- Reuter O.J., Remington T.F.* Dominant party regimes and the commitment problem the case of United Russia // *Comparative political studies*. – L., 2009. – Vol. 42, N 4. – P. 501–526.
- Reuter O.J.* Regional patrons and hegemonic party electoral performance in Russia // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2013. – Vol. 29, N 2. – P. 101–135.
- Riker W.H.* Federalism: Origin, operation, significance. – Boston: Brown little, 1964. – 169 p.
- Robinson N.* Institutional factors and Russian political parties: the changing needs of regime consolidation in a neo-patrimonial system // *East European politics*. – L., 2012. – Vol. 28, N 3. – P. 298–309.

- Rodden J., Wibbels E.* Dual accountability and the nationalization of party competition: Evidence from four federations // *Party Politics*. – L., 2011. – Vol. 17, N 5. – P. 629–653.
- Rose R., Mishler W.* A supply-demand model of party-system institutionalization: The Russian case // *Party politics*. – L., 2010. – Vol. 16, N 6. – P. 801–821.
- Rose R., Munro N., White S.* Voting in a floating party system: The 1999 Duma election // *Europe-Asia studies*. – L., 2001. – Vol. 53, N 3. – P. 419–443.
- Rose R., Urwin D.W.* Regional differentiation and political unity in Western nations. – L.: SAGE publications, 1975. – 53 p.
- Ross C.* Federalism and democratization in Post-Communist Russia. – Manchester: Manchester univ. press, 2003. – 196 p.
- Sakwa R.* Russia's «permanent» (uninterrupted) elections of 1999–2000 // *The Journal of communist studies and transition politics*. – L., 2000. – Vol. 16, N 3. – P. 85–112.
- Electoral authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / A. Schedler (ed.). – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. – 267 p.
- Shugart M.S., Carey J.M.* Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1992. – 332 p.
- Simón P.* The combined impact of decentralisation and personalism on the nationalisation of party systems // *Political studies*. – L., 2013. – Vol. 61, N S1. – P. 24–44.
- Smyth R., Lowry A., Wilkening B.* Engineering victory: Institutional reform, informal institutions, and the formation of a hegemonic party regime in the Russian Federation // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2007. – Vol. 23, N 2. – P. 118–137.
- Smyth R.* Candidate strategies and electoral competition in the Russian Federation: Democracy without foundation. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 260 p.
- Stokes D.E.* Parties and the nationalization of electoral forces // *The American party system: Stages of political development* / W.N. Chambers, W.D. Burnham. (ed.) – N.Y.: Oxford univ. press, 1967. – P. 182–202.
- Taagepera R., Shugart M.S.* Seats and votes: The effects and determinants of electoral systems. – New Haven: Yale univ. press, 1989. – 292 p.
- Thorlakson L.* An institutional explanation of party system congruence: Evidence from six federations // *European journal of political research*. – Dordrecht, 2007. – Vol. 46, N 1. – P. 69–95.
- Tiemann G.* The nationalization of political parties and party systems in post-communist Eastern Europe // *Communist and Post-Communist studies*. – Elsevier, 2012. – Vol. 45, N 1. – P. 77–89.
- Vertz L.L., Frenreis J.P., Gibson J.L.* Nationalization of the electorate in the United States // *The American political science review*. – Cambridge, 1987. – Vol. 81, N 2. – P. 961–966.